

УДК 94:327.7

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕС В ЗАКАВКАЗЬЕ

О. Ю. Семенов, Д. А. Белащенко

COMMON EUROPEAN SECURITY AND DEFENSE POLICY DEVELOPMENT DYNAMICS: THE EXAMPLE OF THE EUROPEAN UNION ACTIVITY IN THE CAUCASUS REGION

O. Yu. Semenov, D. A. Belashchenko

Статья выполнена в рамках НИР по государственному заданию Минобрнауки России 11.9135.2014.

Предметом исследования являются концептуальные детерминанты и конкретные шаги ЕС по развитию ОЕПБО. Целью работы выступает выявление особенностей эволюции Общей европейской политики безопасности и обороны на примере практической деятельности Европейского Союза в области кризисного реагирования в Закавказском регионе. Методологическая основа исследования включает принципы историзма, объективности, системности, конкретности, использованы методы исторической и политической науки: синхронный, хронологический, сравнительно-сопоставительный, методы источникового анализа, ивент-анализ, методы исторической дедукции и индукции. По итогам исследования получены новые научные данные о динамике политики ЕС по кризисному урегулированию в Закавказье и выявлено, что, хотя структурный потенциал ЕС в области урегулирования конфликтов за период развития ОЕПБО значительно вырос, преждевременно говорить о том, что ЕС стал влиятельным международным игроком в сфере международной безопасности. Выводы исследования могут использоваться при разработке новых технологических решений в сфере эффективного использования Российским государством комплекса военных и гражданских инструментов участия в построении архитектуры общеевропейской безопасности.

The paper analyzes conceptual determinants as well as practical EU steps towards Common European Security and Defense Policy (CESDP) development. The purpose is to reveal the peculiarities of CESDP evolution with the example of the EU actions towards crisis regulation in the Caucasus region. The paper methodology includes the principles of historicism, objectivity, systemic, concreteness as well as the methods of historical and political research: synchronous, chronological, comparative benchmarking, source analysis techniques, event analysis, historical induction and deduction. The results of the paper include new scientific data on the dynamics of the EU actions towards crisis regulation in the Caucasus region. It is pointed out that despite the evident growth of the EU structural potential in the sphere of conflict resolution since the foundation of CESDP it is untimely to talk about the EU as an influential actor of international security system. The paper outcomes can be used by Russian state authorities when elaborating new technologies of effective complex use of military and civil tools towards constructing common European security architecture.

Ключевые слова: Европейский Союз, Закавказье, Европейская политика соседства, урегулирование конфликтов, двусторонние отношения, Общая европейская политика безопасности и обороны.

Keywords: European Union, Caucasus, European neighborhood policy, conflict resolution, bilateral relations, Common European Security and Defence Policy.

Общая европейская политика безопасности и обороны (ОЕПБО) является на сегодняшний день одним из приоритетных направлений деятельности Европейского Союза (ЕС) в области формирования европейской идентичности, а успехи в данной области служат индикатором эффективной способности ЕС к эволюционному политическому развитию. Собственная же система кризисного реагирования, в том числе на вызовы вне пространства Евросоюза, призвана оградить страны ЕС от новых угроз, которым отдельные европейские государства, в частности малые, не способны противопоставить адекватные меры защиты. При этом необходимо отметить, что успех или провал политики ответственности ЕС за ситуационное развитие событий в целом ряде регионов, прежде всего, на постсоветском пространстве, проиллюстрирует дееспособность Брюсселя как актора мировой политики. Вышеуказанные обстоятельства обуславливают актуальность проблематики деятельности ЕС в области безопасности и обороны на примере такого конфликтного и географически близкого к Евросоюзу региона, как Закавказье.

Европейский Союз (ЕС) практически сразу же после распада СССР приступил к наращиванию своего влияния на постсоветском пространстве, в том числе за счет определенной посреднической роли в разрешении конфликтов. Например, в 1996 г. вступили в силу соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Арменией, Азербайджаном и Грузией [12]. Однако в силу того, что ЕС на тот момент не имел системы объективного мониторинга ситуации в Закавказье, данные документы касались, преимущественно, вопросов экономического и законодательного развития без учета наличия высокой степени конфликтности в регионе. Вопросы урегулирования конфликтов не занимали значительного места в пространстве кавказско-европейского сотрудничества. Очевидно, что целью ЕС в рамках данного переговорного процесса была лишь попытка декларировать принцип построения диалога в регионе как основного инструмента снижения конфликтных рисков развития [12]. Со стороны ЕС не предлагалось каких-либо основополагающих принципов комплексной стратегии

для урегулирования конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии.

Данный подход отражал приоритетность построения рыночной экономической системы в этих странах перед проблемой наличия группы неразрешенных региональных конфликтов. Урегулирование конфликтов предполагалось отложить на неопределенное время в связи с отсутствием согласия между странами-членами ЕС о стратегическом подходе к системе безопасности внутри кавказского региона.

В 2000-х гг. исключительно экономический подход к данному вопросу сменился комплексным видением проблем, в рамках которого неразрешенные конфликты в регионе могли выступать непосредственной угрозой для ЕС в т. ч. и в энергетической сфере. В 2003 г. в рамках принятого решения специальным представителем ЕС по Южному Кавказу был назначен Питер Семнеби, однако, несмотря на его усилия, европейские инициативы в регионе не имели должного результата [15]. Это во многом объяснялось объективным расхождением между поставленной ЕС целью приобретения главенствующей посреднической роли в урегулировании конфликтов и располагаемыми фактическими ресурсами в регионе.

Среди причин неудач ЕС по урегулированию кавказских конфликтов выделяют отсутствие координации между Брюсселем и его представителями в регионе, а также слабые рычаги влияния на конфликтующие стороны. Эти проблемы также усугублялись отсутствием консолидации и разного уровня приоритетности отношений с таким важным региональным игроком как Российская Федерация [13]. Соответственно, ЕС сконцентрировал свои усилия на сфере посредничества, хотя для эффективного управления ситуацией необходима была активная стратегия. Данное положение было закреплено и в Стратегии безопасности ЕС от декабря 2003 г., в которой говорилось, что одной из основ безопасности ЕС является мирное и лояльное соседство. Документ не упоминал конкретных стратегий достижения данной цели, включая при этом общее положение о том, что ЕС приходится иметь дело с застаревшими конфликтами в регионе Кавказа, решение которых, однако, предотвращает новые угрозы [5].

Расширение на восток 2004 г. и смещение границ побудило ЕС принять другую политику в отношении своих новых соседей – Европейская политика соседства (ЕПС) была запущена в 2004 г., и дальнейшее ее развитие последовало в рамках принятия двустороннего плана действий между ЕС и Арменией, Азербайджаном, Грузией в период февраля 2005 г. – ноября 2006 г. [7]. Данные документы задекларировали готовность ЕС к более решительным действиям для получения влияния на ход урегулирования конфликтов. Однако отсутствие согласованности в сумме с недостаточным количеством инструментов и каналов оказывали решающую роль. Кроме того, двусторонние планы действий не составили единую политику ЕС по отношению к конфликтам, а попытка ЕС учесть интересы всех своих соседей придала данным документам элемент противоречивости. Так, например, в двустороннем плане Азербайджан-ЕС относительно разрешения Нагорно-Карабахского конфликта говорится о

территориальной целостности Азербайджана, а в двустороннем плане Армения-ЕС говорится о верховенстве принципа права на самоопределение народов.

Промежуточный обзор Европейской политики соседства только констатировал использование со стороны ЕС усилий по урегулированию конфликтов без попытки предложить конкретные системные положения для будущей единой политической линии [10]. Отсутствие конкретных предложений в итоговом документе явилось упущенной возможностью ЕС приобрести весомую роль в регионе и предложить свою рациональную модель урегулирования. Помимо этого, структурные изменения в системе внешнеполитических служб ЕС (в частности создание Европейской службы внешних отношений (ЕЕАС)) не способствовали концентрации внимания на проблеме урегулирования региональных конфликтов [15]. В сентябре 2011 г. должности специального представителя ЕС на Южном Кавказе и по кризису в Грузии были объединены, и на этот пост был назначен Филипп Лефорт.

Наиболее яркое выражение политика ЕС в регионе Южного Кавказа получила во время эскалации конфликта между Грузией и Южной Осетией в августе 2008 г. Несмотря на то, что абхазский и югоосетинский конфликты имеют различную историю и развивались независимо друг от друга, ЕС придерживался сходного подхода к ним обоим. Как следует из двусторонних договоров между ЕС и Грузией, Брюссель рассматривал конфликты лишь как часть двусторонних отношений с Тбилиси, который, в свою очередь, призывал не преувеличивать степень сложности ситуации и фактическую силу сепаратистских тенденций в Цхинвали и Сухуми [14].

В ноябре 2006 г. был принят пятилетний план двусторонних действий между ЕС и Грузией по развитию ЕПС. Данный план задекларировал разрешение конфликтов, как таковых, в качестве приоритета политики ЕС, что также направлено и на ситуацию в Южной Осетии и Абхазии. Пункт 4.2 общих положений гласит об исключительно мирном разрешении конфликтов путем активизации поддержки ЕС в переговорном процессе норм и механизмов ООН и ОБСЕ. Помимо этого, в разделе о приоритетах говорилось о предоставлении экономической помощи, пропорциональной достигнутому прогрессу в решении конфликта, об ускорении процесса демилитаризации, о реализации ранее достигнутых соглашений и включении вопроса о данных конфликтах в двустороннюю повестку переговоров между ЕС и РФ [7].

Прямая и безусловная поддержка суверенитета и территориальной целостности Грузии означала предвзятость ЕС в переговорах. Абсолютное игнорирование факта создания независимых государств народами Южной Осетии и Абхазии также явилось негативным аспектом отношений ЕС-Грузия, т. к. это фактически исказило картину объективной реальности и заставило ЕС отстаивать заведомо «проигрышную» позицию. Концентрация внимания ЕС в двусторонних переговорах с Грузией на проблеме экономических и политических преобразований, а не на разрешении территориальных конфликтов, также создало коллизию между задекларированными принципами и практическими действиями. В данной ситуации стратегия

Брюсселя была обусловлена отсутствием желания непосредственного участия в региональных конфликтах в будущем и выбора переговоров в качестве единственного эффективного инструмента, что, в свою очередь, требовало координации интересов ЕС и РФ в регионе [16].

Фактически именно миротворческие силы РФ играли ведущую роль по поддержанию мира в регионе. Из-за разногласий между государствами-членами ЕС был даже не в состоянии взять на себя функции миссии ОБСЕ по мониторингу на грузинской границе с Россией. Несколько государств-членов ЕС, включая Францию, Германию и Италию, опасались, что развертывание миссии ЕС в области приведет к ухудшению отношений с Российской Федерацией [14]. Из этого можно сделать вывод, что накануне августовского кризиса 2008 г. в ЕС не существовало последовательной политики и отсутствовали возможности повлиять на ход ситуации изнутри. Каналы взаимодействия ЕС и Грузии, как партнеров по ЕПС, еще более снизили свою эффективность под непосредственным давлением правительства США. Именно слишком уверенная поддержка режима М. Саакашвили со стороны Вашингтона побудила его принять решение быстрого, но насильственного, разрешения конфликта и игнорировать мирный сценарий, предлагаемый ЕС. Единственным достижением ЕС в предшествующие месяцы был визит Высокого представителя по вопросам внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Хавьера Соланы в Тбилиси и Сухуми [14].

Кроме того, разногласия внутри европейского сообщества внесли свой вклад в провал мирного плана по Абхазии, представленный министром иностранных дел Германии Франк-Вальтером Штайнмайером в середине июля 2008 г. И в преддверии и во время августовской войны 2008 г. Великобритания и государства Центральной и Восточной Европы выступали за жесткую позицию по отношению к России. Это было особенно характерно для Польши и стран Балтии, которые имели очень сложные двусторонние отношения с Москвой и были готовы экстраполировать двустороннюю конфронтацию на дипломатическую позицию всего ЕС [15].

Относительный успех президента Франции Н. Саркози в посредничестве при заключении соглашения о прекращении огня было связано с тем, что он действовал из собственной инициативы, не дожидаясь разработки общей позиции ЕС, которой было бы очень трудно достичь.

Н. Саркози, выступая также в качестве президента Совета ЕС, прибыл в Москву 12 августа 2008 г., где совместно с президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым обсудил вопрос о плане перемирия, включавший подготовленные в Париже предложения [11]. Участие России в инициативе Франции и гибкость позиции Н. Саркози по отношению к законным требованиям российской стороны способствовали продвижению переговорного процесса. Необходимо отметить, что ни один из 6 пунктов соглашения о прекращении огня не включает в себя ссылку на изначальную позицию ЕС о территориальной целостности Грузии, что было сделано для избежания кон-

фронтации с Российской Федерацией [17]. Однако РФ 26 августа 2008 г. признала независимость Абхазии и Южной Осетии, что явно противоречило европейским интересам. Реакция ЕС была отражена в замораживании переговоров по новому соглашению о партнерстве с Россией, однако, не затронула вопросы коммерческого и энергетического сотрудничества. Отношения с Кремлем были нормализованы в ноябре 2008 г., после вывода ВС РФ из всех неоспоримых районов территории Грузии. Тем не менее Москва одновременно укрепила свое военное присутствие в Абхазии и Южной Осетии, что было воспринято ЕС в качестве свершившегося факта [8].

15 сентября 2008 г. Совет Европейского Союза создал гражданскую миссию наблюдателей в Грузии (EUMM, МНЕС) для контроля вывода вооруженных сил России из районов, прилегающих к Абхазии и Южной Осетии [6]. EUMM выполняло задачи мониторинга выполнения обязательств о прекращении огня всеми задействованными сторонами, осуществления мер по укреплению доверия, а также передачи оперативной информации в Брюссель [6]. В период до 1 октября был развернут штаб численностью около 200 наблюдателей, что являлось самой быстрой операцией по развертыванию миссии по наблюдению за всю историю Европейской политики в области обороны и безопасности. Миссия наблюдателей ЕС подписала с правительством Грузии меморандум о взаимопонимании, в рамках которого Грузия обязалась уведомлять МНЕС о развертывании полицейских сил в непосредственной близости от границ с Абхазией и Южной Осетией. Помимо этого, Грузия обязалась воздержаться от использования в данных районах тяжелой техники и передвижения больших военизированных подразделений, а также предоставить возможность для осмотра частей вооруженных сил представителями МНЕС. Быстрое развертывание МНЕС было знаком редкого внутреннего единства со стороны ЕС по конкретному вопросу. Однако это был результат двусторонних соглашений государств-членов о необходимости развертывания миссии для снижения уровня напряженности. Деятельность миссии внесла свой вклад в предотвращение новой эскалации и обеспечения Брюсселя необходимой информацией. Тем не менее ограниченность возможностей МНЕС была обусловлена отсутствием доступа к источникам на территории Абхазии и Южной Осетии. Абхазия и Южная Осетия поставили условие, в рамках которого МНЕС не будет допущена на территорию указанных государств, пока ЕС поддерживает безоговорочную позицию о территориальной целостности Грузии, что в свою очередь являлось условием допуска на территорию Грузии. МНЕС в Абхазии и Южной Осетии воспринималась как прогрузинский актор, а Миссия ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ) и миссия ОБСЕ – как акторы с ярко выраженным российским влиянием [9].

На сегодняшний день миссия наблюдателей ЕС в Грузии насчитывает чуть больше 250 человек, из которых 200 непосредственно являются наблюдателями, а миссия остается единственной в регионе после свертывания миссий ОБСЕ и ООН. Необходимо отметить, что структура миссии включает 3 полевых штаба

(г. Гори, г. Зугдиди, г. Мкхета), за которыми закреплены определенные зоны ответственности [1]. Для повышения эффективности деятельности был разработан принцип деления на 3 функциональных патрульных подразделения:

1) административная граница и построение доверия – группы работают на приграничных линиях Южной Осетии и Абхазии, в основном занимаясь вопросами, связанными с конфликтом и поощряя сотрудничество между сторонами;

2) соответствие – группы наблюдают за оборудованием военных и правоохранительных объектов, гарантируя соблюдение ими Меморандумов Взаимопонимания, существующими соответственно между МНЕС и Министерством Внутренних Дел, и Министерством Обороны;

3) группы по вопросам безопасности человека – в первую очередь концентрируются на гражданских аспектах стабильности, включая воздействие конфликта на мирное население и динамику мирного процесса с гражданской точки зрения, когда мирные жители оказываются под влиянием событий и могут быть активными в поощрении перемен [1].

Практическая деятельность Миссии наблюдателей ЕС в Грузии носит также контролирующий характер. После событий 2008 г. ЕС продолжил свою политику экономической помощи Грузии, и в 2010 г. была одобрена экономическая помощь на период 2011 – 2013 гг. в размере 180 млн евро (с 1992 по 2007 гг. ЕС оказал финансовую помощь в размере 530 млн евро.) [2], т. е. сумма траншей по сравнению с предыдущим периодом увеличилась с 35 млн евро до 60 млн евро в год. В связи с этим возникла необходимость контроля «мирного» [3] эффективного расходования средств, который отчасти и выполняет МНЕС, а также Специальный Представитель ЕС по вопросам Южного Кавказа и кризиса в Грузии и Делегация Европейской Комиссии в Грузии.

Однако, несмотря на то, что ЕС стремится к повышению эффективности миссии, остается ряд нерешенных проблем [3]. Исходя из того, что ЕС не имеет обмена информацией с Республикой Абхазия и Южной Осетия, можно констатировать слабое влияние европейского сообщества на региональные процессы построения стабильного пространства.

В основном, те приоритеты, которые были задекларированы в двусторонних соглашениях остались нереализованными по трем основным причинам. Во-первых, ЕС не имеет до сих пор эффективных прямых каналов влияния на конфликтующие стороны. Во-вторых, европейское сообщество до сих пор не может выработать единую дипломатическую позицию по проблемам региона. В-третьих, отдельные представители европейского сообщества беспокоит возможность ухудшения отношений с Россией, что может негативно отразиться на уровне экономического развития и энергетической безопасности.

Литература

1. Данные и факты о миссии // European External Action Service. 28 января 2015. Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/about_eumm/facts_and_figures (дата обращения: 30.01.2015).
2. Делегация Европейской Комиссии в Грузии // European External Action Service. 28 января 2015. Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/eu_in_georgia/delegation_of_the_eu_commission (дата обращения: 30.01.2015).

Результаты развертывания миссии по наблюдению в Грузии оказались противоречивыми. С одной стороны, сам факт присутствия наблюдателей позволил не допустить повторной эскалации, а с другой – не позволила ЕС усилить свои позиции в постконфликтном урегулировании. Дипломатические усилия ЕС по урегулированию конфликта как в формате Представителей ЕС в регионе, так и на международной арене были недостаточны для достижения целей, изложенных в планах действий с соответствующими партнерами по ЕПС [4]. Документ, выпущенный Европейской комиссией, «Новая позиция по отношению к меняющемуся соседству» («A new response to a changing neighborhood») говорит о том, что «геополитические, экономические и интересы в области безопасности напрямую подвержены влиянию продолжающейся нестабильности в регионе» и «ЕС стремится к созданию сценариев постконфликтного восстановления» [10]. Т. о. была упущена возможность выработки системного подхода к урегулированию конфликтов.

В целом по итогам рассмотрения динамики ОЕПБО на примере политики ЕС в Закавказье можно сделать вывод, что антикризисные миссии ЕС пока что довольно ограничены по масштабам и, в отсутствие общих военных ресурсов и вооруженных сил, в значительной степени зависят от степени участия и предоставляемых ведущими странами Евросоюза средств. Серьезные пробелы в сфере командования и контроля означают, что любая серьезная операция неизбежно должна опираться на поддержку НАТО. Хотя в целом структурный потенциал ЕС в области урегулирования конфликтов за период развития ОЕПБО значительно вырос, преждевременно говорить о том, что ЕС стал влиятельным международным игроком в сфере международной безопасности.

В итоге, несмотря на очевидные успехи в становлении ОЕПБО, развитие Европейской политики в области обороны и безопасности представляется далеко не таким однозначным. Возможности ЕС в области кризисного урегулирования (прежде всего, оперативность реагирования на возникающие кризисы) не выявлены в полном объеме, а вопрос о том, насколько разрабатываемые ЕС механизмы могут быть эффективно применены на практике, пока остается открытым. До сих пор ни одна из проведенных миссий, как видно на примере Кавказского региона, не позволила Евросоюзу задействовать весь спектр своих потенциальных возможностей в области кризисного урегулирования ввиду просчетов при планировании и развертывании миссий, зависимости от логистических, инфраструктурных и военно-технических ресурсов НАТО и ООН, а также тактических и стратегических разногласий внутри самого Евросоюза, не в последнюю очередь в контексте отношений с Российской Федерацией.

3. ЕС продлил мандат миссии наблюдателей в Грузии до 2012 года // Кавказский узел. 12 сентября 2011. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/192443/> (дата обращения: 28.01.2015).
4. Капанадзе: миссия наблюдателей ЕС в Грузии успешно проводит независимый мониторинг // Кавказский узел. 14 сентября 2012. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/212624/> (дата обращения: 28.01.2015).
5. A secure Europe in a better world. European Security Strategy (12 December 2003). Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/eeas/security-defence/european-security-strategy.aspx?lang=en> (дата обращения: 25.01.2015).
6. Council Joint Action 2008/736/CFSP (15 September 2008). Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:248:0026:0031:EN:PDF> (дата обращения: 25.01.2015).
7. EU/Georgia Action Plan // European External Action Service. 14 November 2006. Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/georgia_enp_ap_final_en.pdf (дата обращения: 24.01.2015).
8. Forsberg T., Seppo A. The Russo-Georgian war and EU mediation // Russian Foreign Policy in the 21st Century / Kanet R. E. (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. P. 121 – 137.
9. Harzl B., Engl A. and Toggenburg G. von Guidelines and recommendations for EU conflict prevention and management: the case of the South Caucasus: Bolzano. 2008. 87 p.
10. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 'A new response to a changing Neighbourhood' (Brussels, 25 May 2011). Режим доступа: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com_11_303_en.pdf (дата обращения: 29.01.2015).
11. Kurtbag O. EU's response to the Georgia crisis: an active peace broker or a confused and divided actor? // Central Asian and Caucasian Studies. Vol. 3. № 6 (2008).
12. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // European External Action Service. 20 November 2008. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&-redirect=true&treatyId=183&back=184> (дата обращения: 24.01.2015).
13. Popescu N. EU and the Eastern neighbourhood: reluctant involvement in conflict resolution // European Foreign Affairs Review. 2010. № 14.
14. Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. II // Russia Today. 21 February 2012. Режим доступа: <http://rt.com/files/politics/georgia-started-ossetian-war/iiffmcg-volume-ii.pdf> (дата обращения: 29.01.2015).
15. Schmidt-Felzmann A. All for one? EU member states and the Union's common policy towards the Russian Federation. // Journal of Contemporary European Studies. 2008. Vol. 16. № 2.
16. The Caucasus and energy security // Caucasus Review of International Affairs. 2008. Vol. 2 № 2.
17. Volkhonskiy M. Medvedev-Sarkozy's six points: the diplomatic aspect of the South Ossetian settlement // Central Asia and the Caucasus. 2009. Vol. 58 – 59. №. 4 – 5.

Информация об авторах:

Семенов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, horrin@mail.ru.

Oleg Yu. Semenov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Theory of International Relations, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Белашенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, dmi-belashhenko@yandex.ru.

Dmitry A. Belashchenko – Candidate of History, Assistant Lecturer at the Department of History and Policy of Russia, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.